

Некто показал Малербу свои анаграммы; дабы посмеяться над ним, Поэт попросил его составить анаграмму для одного из своих друзей по имени Оддо д'О.

Когда ему показывали стихи, где были слова, вставленные лишь для размера или для рифмы, он говорил, что это, мол, все равно что подвешивать конскую уздечку лентой для шнуровки корсажа.

Какой-то судейский весьма благородного звания принес Малербу довольно скверные стихи, сложенные им во славу некоей дамы, и сказал ему, что был вынужден написать их ввиду особых причин. Малерб прочел их с весьма удрученным видом и спросил автора: «Вам, что же, предложили на выбор: либо виселица, либо стихи? Ибо только это обстоятельство может вас извинить».

Однажды Менар, который жил с Малербом по соседству и трудился в ту пору над какими-то непристойными виршами, вбегаёт, захватившись, к нему в комнату и с ходу спрашивает, дескать, ... это долго или кратко. Малерб на минуту призадумался, словно желая придти к определенному решению, потом говорит: «Со мною дело обстоит так: когда я был молод, у меня это выходило кратко, а теперь выходит долго».

Он почитал себя наставником всех других и был прав. Бальзак, которого он очень высоко ценил и о котором как-то сказал: «Этот молодой человек пойдет в прозе далее чем кто бы то ни было во Франции», — принес ему совет Вуатюра, посвященный Урании, о котором впоследствии столько писали. Малерб удивлялся, что сей искатель приключений — таков его собственные слова, — который не воспитывался под его строгим началом, который не перевал от него ни сдержанности, ни порядка, добился столь великих успехов в области, к коей, по его выражению, он обрел ключ.

Малерб восставал против того, чтобы поэты писали стихи на иностранном языке, и утверждал, что мы не можем понять всех тонкостей языка, который не является для нас родным; по сему поводу, дабы высмеять тех, кто сочинял латинские стихи, он говорил, что, ежели бы Вергилий и Гораций родились заново, они высекли бы Бурбона и Сирмона.

Некий бретонский дворянин по имени Ларивьер, находившийся на службе у г-на де Белгарда, желая отомстить женщине, от коей он не смог ничего добиться, послал Малербу стихи, сочиненные в отместку этой даме, где он называет ее «своею потаскушкой». Малерб отослал ему эти стихи обратно, тут же приписав внизу:

Не воли ей, а слов,
Потаскушкой нежной —
Чтоб поспать с ней, ты готов
Заболеть на месяц рожей.

Малерб писал г-же д'Оши, величая ее Калистою,²⁹ и сделал в конце приписку, что целует ей ноги. Зубоскалы утверждали: это, мол, потому, что ее имя сходно с именем Папы.³⁰